

АНДРЕЙ КУЗНЕЦОВ

Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории

В статье проводится разграничение между социологией объектов и социологией вещей. Для этого автор предпринимает расследование работы Бруно Латура *Где недостающая масса? Социология одной двери* как ключевого текста о технологии в акторно-сетевой теории. Были проанализированные две релевантные тексту проблемы. Во-первых, теоретическая проблема места недостающей массы в конституции современных обществ. Во-вторых, проблема стиля письма о вещах. В ходе расследования было установлено, что в расследуемом множественном тексте присутствуют два встроенных автора — «Латур» и «технолог». Эти авторы предлагают две разные концепции технологии и два разных ответа на вопрос «Где недостающая масса?». Один из выводов статьи состоит в том, что ошибочная идентификация Латура как «технолога» и предубеждение против стиля написания самопротиворечивых текстов мешают увидеть разницу между социологией объектов и социологией вещей.

55

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, Бруно Латур, технология, объекты, вещи

Andrey Kuznetsov

Latour and his «technologist»: things, objects and technology in actor-network theory

The article seeks to draw a distinction between sociology of objects and sociology of things. In order to do this author conducts an investigation on

Кузнецов Андрей Геннадиевич — НОЦ «Социально-политические исследования технологий», Национальный исследовательский Томский государственный университет, старший научный сотрудник; кафедра социологии, Волгоградский государственный университет. Кандидат социологических наук. E-mail: andrey.kuznetsov.29@gmail.com.

Kuznetsov Andrey Gennadievich — Senior Research Fellow, Research Centre for Policy Analysis and Studies of Technologies, Tomsk National Research State University; Associate Professor, Department of Sociology, Volgograd State University. PhD in Sociology. Research interests: science and technology studies, actor-network theory, french pragmatic sociology, mobilities research. E-mail: andrey.kuznetsov.29@gmail.com.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Город, транспортная медиация, социальная справедливость: социологическое исследование городского общественного транспорта в г. Волгограде», проект № 14-13-34 013а (р).

Bruno Latour's *Where Are The Missing Masses: The Sociology of a Few Mundane Artifacts* multiple text as the key work on technology in actor-network theory. Investigation unravels two problems regarding the text. First, theoretical problem of missing masses of modern societies. Second, the problem of style of matters of concern as a style of writing on things. It is concluded that there are two in-built authors in the inquired multiple text — «Latour» and «technologist». These authors elaborate two different conception of technology and give two different answers to the question «Where are the missing masses?» Mistaken identity of «technologist» for Latour and a bias against the style of self-contradictory texts are main obstacles on the way to see the difference between sociology of objects and sociology of things.

Keywords: actor-network theory, Bruno Latour, technology, objects, things

Введение: к расследованию множественного текста

Вероятно, не будет большим преувеличением сказать, что сборник «Социология вещей» [Вахштайн, 2006] является для авторов и читателей журнала «Социология власти» (в нынешнем его виде) если не настольным, то по крайней мере стоит на тех полках личных библиотек, до которых легко дотянуться рукой. Будучи прекрасным введением в проблематику современных социальных наук, это издание тем не менее смешивает под своей обложкой то, что наш текст хотел бы разделить, а именно: социологию вещей и социологию объектов. *Социология вещей* позволяет нам интуитивно ощутить эту разницу в опыте чтения, однако она не позволяет в полной мере понять, в чем именно состоит эта разница.

Несколько огрубляя, можно сказать, что все споры вокруг акторно-сетевой теории (actor-network theory, ANT) являются, по сути, спорами вокруг статуса вещей в социологической теории. Действуют ли вещи? Если действуют, то как [Verbeek, 2006; Karlan, 2009]? Допустим ли принцип генерализованной симметрии и можно ли для описания действий людей и вещей использовать один и тот же словарь [Collins, Yearley, 1992]? Одни убеждены, что главное открытие ANT в том, что вещи действуют и играют (большую) роль в обществе, и всячески отстаивают это. При этом иногда скобки не только раскрываются, но и слово «большую» пишется заглавными буквами. Другие доказывают, что это не так или не совсем так.

В этой ситуации рано или поздно возникает чувство неловкости: неужели это такое большое достижение сказать, что роль вещей в наших научно-технических обществах велика и что они действуют? Именно это смущение ощущается в дискуссии в журнале «Mind, Culture and Activity» по случаю публикации одной из самых известных статей Латура «Об интеробъективности» [Латур, 2006d]. Участ-

ники дискуссии то и дело замечают, что в подходах, к которым они принадлежат, уже давным-давно говорили и говорят о роли вещей во взаимодействии людей [Lynch, 1996; Berg, 1996; Engestrom, 1996].

К неловкости добавляется смущение, связанное с тем, что икона АНТ Бруно Латур иногда использует термины «вещь» и «материальный объект» как синонимы (яркий пример — статья «Об интеробъективности»), а иногда дает веский повод различать вещи и объекты. В частности, в статье «Сумеем ли мы вернуть себе материализм?» он пишет: «Технология — бедная родственница эпистемологии. Она все еще несет ношу определения материи, переложенную на нее другим избыточным определением научной деятельности. Вследствие чего во многих описаниях „вещей“ нет ничего „вещного“. То, что описывается, — всего лишь „объекты“, ошибочно принимаемые за вещи. Отсюда необходимость в новом стиле описания, который бы позволил обойти ограничения материалистического (а в действительности идеалистического) определения материального существования» (курсив мой. — А. К.) [Latour, 2007, p. 138]. В ряде других текстов [Латур, 2012а; Latour, 2008] Латур также намекает на важность этого различения, однако нигде не проводит его достаточно последовательно.

Чтобы избавиться от неловкости и смущения, следует обратиться к анализу ключевого текста, являющегося визитной карточкой не только социологии Латура, но и АНТ в целом, в центре которого явно или неявно присутствует проблема различения между объектами и вещами. Таковым является работа, опубликованная на русском языке под названием «Где недостающая масса? Социология одной двери» в сборнике «Социология вещей». Данная статья не только является одним из наиболее известных (в том числе за пределами STS) и читаемых текстов по АНТ, но и пытается ответить на вопрос о месте вещей в конституции современного общества.

Однако незадолго до того, как я планировал приступить к пристальному перечитыванию ключевого текста, один мой коллега, большой знаток творчества Латура, указал мне на то, что существуют три работы, имеющие похожие тематику и сюжет, но различающиеся идейно и текстурально.

1. Опубликованная в журнале «Social Forces» статья «Mixing Humans And Non-Humans Together: The Sociology of a Door-Closer» [Latour, 1988] (далее текст-1988), где значится некий Джим Джонсон из Горной школы Колумбуса, штат Огайо. Имя Латура фигурирует в колонтитулах статьи, а голос автора по ходу повествования меняет личину инженера на маску социолога.
2. Работа «Where Are The Missing Masses? Sociology of a Few Mundane Artifacts» [Latour, 1992] (далее текст-1992) — основательно переработанный текст-1988, обширные фрагменты

которого упакованы в примечания, где не только появляется метафора недостающей массы, но и дополнительные сюжеты (ремень безопасности автомобиля, берлинский ключ, лежащий полицейский, аварии), понятийный аппарат (ре-инскрипция, программа действия) и понятийные различия (прагматическая программа/антипрограмма).

3. Текст «Where are the Missing Masses? Sociology of a Door», опубликованный некогда на сайте Латура на сервере Высшей горной школы в Париже, и который является рукописью, застрявшей на середине между текстом-1988 и текстом-1992. Перевод этой интернет-версии известен русскоязычному читателю под названием «Где недостающая масса? Социология одной двери» (далее текст-2006)¹.

Перекрестное чтение трех текстов постепенно превратилось в перекрестный допрос, а внимательное перечитывание — в дошное расследование, мотивированное вопросом: кто или что мешает нам увидеть разницу между объектами и вещами и, следовательно, устойчиво различать между социологией объектов и социологией вещей? При этом нечаянная гибридность, даже бастардность, текста-2006 (происходящая, конечно, от бастардности его источника) оказывается для следствия стратегически важной. Она подчеркивает, что мы имеем дело не с тремя отдельными работами, а с одним множественным текстом. Все три его части объединяет попытка понять, какое место не-человеки занимают в конституции современного общества. Однако они по-разному ставят этот вопрос, по-разному на него отвечают и разными, частично связанными [Strathern, 1991] между собой путями идут к этим ответам.

Что может дать нам чтение этого множественного текста? Во-первых, переключаясь между различными исполнениями множественного текста, пытаюсь скоординировать его не-идентичные задеи-

1 Этот текст впервые был опубликован на русском языке в журнале «Неприкосновенный запас» [Латур, 2004], где была дана веб-ссылка на источник перевода, которая при переиздании работы в сборнике «Социология вещей» не сохранилась. Интернет-версия в настоящее время по этой ссылке уже недоступна, поскольку это путь к старому сайту Латура на сервере Высшей горной школы в Париже, в которой он работал до 2006 г. На новом сайте Латура размещен текст-1992. Таким образом, в поисках ускользающего первоисточника русскоязычной версии одной из визиток ANT нам следует теперь полагаться на неофициальные архивы Интернета. Исходный текст русского перевода пока еще доступен по ссылке: http://dimitris.apeiro.gr/files/papers/latour/Bruno_Latour_Where_are_the_missing_masses_Sociology_of_a_door.html

ствования исследовательских проблем¹, мы сможем лучше понять мышление Латура в динамике. В частности, можно более детально задокументировать смещение [Кузнецов, 2013], которое произошло в творчестве Латура между отказом от генерализованного объяснения [Латур, 2012b] и наброском не-модерной антропологии модерна [Латур, 2006с]. Во-вторых, артикулируя различия между текстами 1988 и 1992 гг., мы сможем лучше понять место Латура в том сдвиге, который произошел в исследованиях технологий на рубеже 1980-х и 1990-х. В-третьих, только перекрестный допрос всех трех частей нашего множественного текста позволяет отчетливо увидеть, что в каждой из них Латур пытается решить три проблемы², связанные со стилем, методом и теоретическим вопросом о месте не-человеков в конституции общества. Эти проблемы задают линии расследования нашего множественного текста.

1. *Теоретическая проблема* места не-человеков в конституции (современного) общества ярче всего представлена в текстах 1992 и 2006 гг. и конституирована вопросом «Где недостающая масса?».
2. *Проблема стиля* отчетливее всего поставлена в тексте-1988, где уже в аннотации отмечается, что автор строит свой текст таким образом, что он сам воплощает собой тезисы, которые в нем выдвигаются [Latour, 1988, p. 298]. Латур обнажает механизмы встраивания авторов и читателей в текст, чтобы не только содержание, но и форма аргументации продемонстрировала справедливость его утверждений. Заметим, что в приведенной выше цитате из текста о возвращении материализма Латур говорит о необходимости стиля описания, позволяющего схватить различие между объектами и вещами.
3. *Проблема метода* исследования технологий лучше всего схвачена в тексте 1992 г. посредством метафоры молчания машин, позаимствованной у Самуэля Батлера. Как исследовать машины, если они существуют, чтобы молчать? Как сделать так, чтобы машины разговорились, и как научиться говорить о них самим?

Далее мы сосредоточимся на теоретической и стилистической линиях расследования, отложив анализ проблемы метода исследования технологий до будущих публикаций.

1 О координации различных задействований (enactments) реальности здесь говорится в том смысле, как о них говорит Аннмари Мол [Mol, 2002].

2 В каждом тексте в отдельности на первый план выходит одна или две проблемы, а другие остаются в тени. Ни в одном тексте все три проблемы не сформулированы Латуром явно.

Где недостающая масса? Инсценировка «технолога»

Подозрительная инсценировка проблемы

Не забывая о нелинейности текстов, в интересах следствия отнесемся здесь с позитивистской серьезностью к последовательности появления/исчезновения сюжетов и персонажей как внутри каждого текста в отдельности, так и между ними. Вчитаемся в первые страницы текста-2006¹.

В самом начале статьи автор заявляет, что, так же как физики, которые ищут недостающую массу вселенной, социологи отчаянно пытаются отыскать недостающую массу общества, поскольку известные им объекты социальной вселенной (человеческие тела, коллективные представления и моральные принципы) не могут объяснить, почему общество не разваливается на куски. Где находится недостающая масса, которая обеспечивает связность и стабильность нашей коллективной жизни? Автор незамедлительно отвечает — повсюду, мы просто не замечаем ее. Чтобы все встало на свои места, «мы просто должны переключить наше внимание с людей и посмотреть на не-человеков. Вот они, скрытые и презренные социальные массы, которые дополняют нашу мораль. Они стучат в дверь социологии, требуя учета при подведении общественного баланса² так же настойчиво, как это делали человеческие массы в XIX веке» [Латур, 2006а, с. 199–200].

Просто переключите ваше внимание с людей на не-человеков! Простота, с которой убита интрига повествования уже в самом начале действия, не может не вызывать подозрений. Текст-2006, кажется, инсценирован так, что его чтение начиналось и заканчивалось на первой же странице. На вопрос, где недостающая масса, читатели тут же получают ответ — ее составляет многочисленное население не-человеков (преимущественно материальных объектов), рвущееся в дворцы наших теорий. Мы, социологи, просто обязаны стать их репрезентантами и сделать их достойными объектами теоретического анализа так же, как отцы-основатели нашей дисципли-

1 В силу большей языковой доступности текста-2006, я буду обращаться, прежде всего, к нему, оставляя обращения к текстам 1988 и 1992 гг. на тот случай, когда ресурсы русского перевода будут исчерпаны.

2 Здесь переводчик сделал текст Латура чуть лучше, чем в он есть в оригинале, при этом в стиле самого автора. «Requesting a place in the accounts of society» переведено здесь как «требуя учета при подведении общественного баланса», в то время как точнее было бы перевести «требуя места в описаниях общества». Это говорит скорее о красоте перевода, чем о его смысловой неточности. В дальнейшем я буду корректировать такие фрагменты, руководствуясь лишь специфическими целями нашего расследования.

ны превратили человеческое население в границах национального государства в «общество» — центральную категорию своих изысканий. К обществу людей мы должны прибавить общество не-человеков, и тогда наши описания коллективной жизни обретут баланс. Вступительная реплика. Занавес. Овации и /или недовольный гул. Что-то здесь не так...

Сцена продолжается. Возможно, автор избрал тактику письма, в соответствии с которой главный тезис незамедлительно публикуется в самом начале, а оставшаяся часть текста представляет собой всего лишь его детализации и иллюстрацию. Попробуем реконструировать ход дальнейших событий, опросим свидетелей и убедимся, так ли это.

Раздел «Описание двери» начинается следующими известными словами: «Я начну свое исследование с коротенькой *надписи*... на дверях Палаты кож в парке Ла Виллет в Париже. Доводчик бастует, ради бога, закрывайте двери» (здесь и далее курсив в цитатах мой. — А. К.) (с. 200)¹.

Слово *надпись* здесь соответствует термину *script* в оригинале. В тексте-1992 этот термин сопровождается следующим примечанием: «Следуя примеру Мадлен Акриш, мы будем говорить только в терминах скриптов или сцен, или сценариев, или обстановок, как говорит Джон Ло, исполняемых человеческими или не-человеческими актантами, которые могут быть либо фигуративными, либо нефигуративными» [Latour, 1992, p. 255].

Надпись «Доводчик бастует...» с самого начала трактуется автором в семиотическом ключе как скрипт, сценарий. Этот стартовый ход, к сожалению, оказывается вне очевидного доступа для читателя русскоязычного текста.

Однако сценарием чего является эта надпись? В небольшом вступлении в тексте-1992, свидетельствующем о том, как система безопасности автомобиля принуждает автора к моральному действию (т. е. ехать с пристегнутым ремнем), вводится понятие программы действия, под которым понимается «набор письменных инструкций, которыми аналитик может заменить любой артефакт» [Latour, 1992, p. 255 fn 1].

Это понятие синонимично языку программирования, где слова в тексте программы одновременно являются действиями. Значит, наша *надпись* — это сценарий программы обращения с данной конкретной дверью? Да, но обратим внимание, как автор тут же задает рамку последующего рассуждения: «Это соединение трудовых

¹ Здесь и далее ссылки на текст-2006 ввиду их обилия будут даваться в круглых скобках.

отношений, религии, объявления и техники в одном единственном весьма незначительном факте и есть та разновидность *вещей*, которую мне хотелось бы *описать*, чтобы обнаружить недостающие массы» (с. 200).

Текст-1992 говорит о том, что слово *описать* (в оригинале describe) также снабжено примечанием: «Следуя Мадлен Акриш, я буду называть извлечение скрипта из ситуации де-скрипцией (de-scription)»¹ [Latour, 1992, p. 255 fn 4].

Обратим внимание на радикальное отклонение от «привычного хода игры» уже в самом начале реконструируемой здесь инсценировки. Описание двери превращается в де-скрипцию двери, т. е. извлечение сценариев программы действия данного артефакта из ситуации, в которую он погружен. Место материального объекта сразу занимает набор письменных инструкций по обращению с ним. Материальное «мясо» двери как будто бы обваливается и тут же выбрасывается, далее мы будем иметь дело только с ее семиотическим остовом. Подобная де-скрипция имеет очень мало общего не только с феноменологическими описаниями материальных объектов, но и с образом Латура, каким многие его знают. Вместо лозунга «Назад к самим вещам!» нам командуют: «Вперед к коду артефактов!».

62

Вместе с тем нет уверенности, что автора интересует собственно прагматическая программа двери. Кажется, что не только материальная плоть, но и сама дверь как отдельный артефакт стремительно убегает со сцены. Уточнив терминологический аппарат и подкорректировав перевод, вернемся еще раз к цитате, приведенной выше.

«Этот сплав (fusion) трудовых отношений, религии, объявления и техники в одном единственном весьма незначительном факте и есть как раз такого рода *вещь*, де-скрипцию которой мне бы хотелось провести, чтобы обнаружить недостающие массы».

Вопреки заглавию раздела автора будто бы интересует не де-скрипция материального объекта — двери, а артикуляция про-

1 Поскольку у переводчика, в отличие от автора данной статьи, не было крайне специфического аналитического интереса, постольку для русскоязычного читателя оказывается имплицитной теоретической значимостью для текста Латура семиотического словаря описания, полученного в результате оснащения латинского корня script разнообразными приставками [Akrich, Latour, 1992]. Эта первоначально сугубо семиотическая тактика модуляции одного и того же корневого материала развивается впоследствии у Латура в полномасштабную философию предлогов, лежащую в основе его антропологии режимов существования [Latour, 2013]. Мы не воспользуемся возможностями русского языка и попытаемся, где это возможно, сохранить в словоупотреблении корень скрипт, чтобы сделать эту тактику более явной.

граммы действия *вещи особого рода*, конституированной сплавом трудовых отношений, религии, объявления и техники в одной тривиальной надписи на двери.

Но это только что обозначившееся напряжение между де-скрипцией материального объекта и *вещи особого рода* странным образом исчезает в дальнейшем изложении. В следующем после приведенной цитаты предложении автор представляется «технологом» и далее проводит критику социально-контекстуалистских описаний технологий, проводя последовательную де-скрипцию двери. Куда исчезает гетерогенный ансамбль, конституирующий, казалось бы, интересующую автора вещь? Почему его место занимает тривиальный материальный объект? Попробуем разобраться в ходе дальнейшего следствия.

Путь однонаправленного делегирования

Появившийся в тексте «технолог» инсценирует воображаемую генеалогию забастовки доводчика двери. В его инсценировке перед нами последовательно встает несколько альтернатив, где мы выбираем именно те опции, которые приближают нас к этой ситуации.

63

Первой развилкой на нашем пути оказывается *выбор между симметрией и асимметрией*. По сути это выбор между технологией и ее отсутствием. До тех пор, пока нас устраивает то, что все известные нам места и ситуации сохраняют симметрию, т. е. никак систематически не отличаются в плане уровня порядка и информации, нам не нужна технология. Технология требуется тогда, когда мы хотим создать асимметрию, неравенство между одной конкретной обстановкой или сценой и всеми остальными. Технология — один из способов упорядочивания мира, достигающий асимметрии (между сигналом и шумом, порядком и хаосом) за счет делегирования/перевода/перемещения/замещения. Стена является самым радикальным приспособлением для установления асимметрии, однако у нее есть один существенный недостаток: она поддерживает лишь статическую или нереверсивную асимметрию. Если мы хотим, чтобы порядок в интересующей нас ситуации или сцене возростал, то мы должны не только герметично отгородить ее от остального мира, но и создать точку доступа к ней. Для этого в стене нужно проделать отверстие.

Здесь мы оказываемся перед второй дилеммой: *делать ли работу самим или делегировать ее?* Мы уже делегировали стене создание барьера между нашей сценой и окружающей средой, но мы можем делегировать решение дилеммы отверстию-стены двери на петлях, которая позволит нам поддерживать динамическую или реверсив-

ную асимметрию между улицей/коридором и зданием/комнатой за счет меньших усилий. Делегированием или переводом собственно и называется это преобразование больших усилий в малые. «Технолог» заявляет, что именно «это реверсирование сил есть то, на что социологи должны обратить внимание, чтобы осознать социальное конструирование техники вместо изучения того гипотетического социального контекста, для понимания которого они не подготовлены» (с. 202).

Тем не менее делегирование стенам и двери на петлях поддержания реверсивной асимметрии решает дилемму стены-отверстия лишь частично, поскольку проходящие через нее недостаточно дисциплинированы. Чтобы решить проблему нам следует продолжить делегирование.

На пути делегирования мы сталкиваемся еще с третьим выбором: *делегируют ли работу по поддержанию асимметрии людям или не-человекам?* Оба вида делегирования предполагают, что делегатов нужно дисциплинировать. По словам «технолога», проблемы дисциплинирования человеческих делегатов столь велики, что есть риск оказаться в ситуации, когда «простая задача — заставить людей закрыть дверь — теперь выполняется невероятной ценой; минимальный эффект достигается при максимуме затрат и взбучек» (с. 204).

Учитывая такую опасность, резонно предпочесть делегирование надежным и безотказным не-человекам. Но не-человеческих делегатов также необходимо дисциплинировать¹. Некомпетентный, т. е. недостаточно дисциплинированный не-человек, как, например, слишком жесткая пружина, резко захлопывающая дверь, может потребовать от человеческих пользователей слишком многого. Культура прохождения через данную конкретную дверь может оказаться столь локальной, что многие не захотят или не смогут проходить через нее². На пути дисциплинирования не-человеков мы обнаруживаем, что делегируется не работа целиком, происходит не столько замещение людей на не-человеков, сколько перераспределение определенного вида действий или компетенций (с. 206).

1 Один из разделов текста-1988 так и называется «Дисциплинируя доводчика двери».

2 В некотором отношении данное расследование является подготовительной теоретической работой для последовательной де-скрипции не одной, а множества дверей маршрутных такси, культура прохождения через которые иногда скорее идиосинкразична, чем просто локальна [Кузнецов, Шайтанова, 2012, с. 146]. См. другие результаты текущего исследования общественного транспорта в Волгограде с особым вниманием к маршрутным такси [Карчагин, 2014; Сивков, 2014; Кузнецов, Тугушев, Шайтанова, 2014].

Не-человеки, как и люди, избирательно компетентны. В результате перед нами возникает еще одна дилемма: *какие компетенции делегировать людям, а какие не-человекам?* И, кроме того, *каким должен быть баланс квалифицированности/неквалифицированности между человеческими и не-человеческими акторами.* Ценой многих усилий инженеры переквалифицируют и модернизируют не-человеков так, что они становятся менее требовательными и более дружелюбными к человеческим пользователям. В инсценировке «технолога» невежливая и неквалифицированная пружина, грозящая расквасить нос тем, кто не знаком с особенностями ее работы, замещается вежливым и квалифицированным доводчиком, плавно закрывающим дверь за посетителем.

Проблема дисциплинирования не-человеков приводит нас к моральному измерению их существования. Артефакты не только сценируют ситуации, но и предписывают людям, как они должны себя в них вести. В зависимости от селективных установок проектировщиков эти пре-скрипции могут быть более или менее специфичными, локальными, требовательными. «Технолог» обращает наше внимание на то, что в процессе дисциплинирования «мы смогли делегировать не-человекам не только усилие, но также и ценности, обязанности и этику. Именно благодаря этим моральным отношениям, мы, люди, ведем себя так этично, независимо от того, насколько слабыми и злыми сами себя ощущаем» (с. 206).

65

Более того, «ни один человек не является столь безжалостно моральным¹, как механическое устройство, особенно если оно (она, он, они) столь же дружелюбно по отношению к пользователю, как мой компьютер марки Макинтош» (перевод слегка изменен. — А. К.) (с. 206).

И какими бы ни были пре-скрипции не-человеков, их ключевая черта «состоит в том, чтобы оставаться безмолвным — отсюда впечатление, возникающее у тех, кто озабочен человеческим поведением, что где-то недостает массы моральных отношений» (с. 207).

С того момента, как встроенный автор «технолог» появился в тексте, и до этого момента все шло по его сценарию. Нам следует заметить, что этот сценарий (как и все сценарии) имплицитно нормативен. «Технолог» не просто обозначил для нас аналитические, а, возможно, и экзистенциальные альтернативы, но и подталкивал к вполне определенным выборам под предлогом решения дилеммы отверствия-двери и поиска ответа на вопрос, где недостающая масса.

¹ Это фрагмент любопытным образом напоминает о популярном некогда в мейнстримовом кино тропе маньяка как безжалостного блюстителя морали (фильм Дэвида Финчера «Семь»)

Вслед за ним мы сначала забыли о вещи, конституированной сплавом трудовых отношений, религии, объявления и техники, и сосредоточились на двери как материальном объекте. Мы послушно сделали выбор в пользу технологии как способе создавать локальные и асимметричные порядки среди хаоса. Затем мы пошли по пути делегирования, вместо того чтобы делать всю работу по созданию/поддержанию асимметрии своими или почти своими силами. После мы предпочли полагаться в делегировании на надежных и крепких не-человеков, а не слабых и трудно дисциплилируемых людей. Далее мы сделали выбор в пользу квалифицированных артефактов, являющихся оплотом повседневной морали и молчаливо предписывающих нам «делать по льезе», как бы сказал Олег Хархордин [2007, с. 40]. Наконец, мы обнаружили в этих моральных артефактах недостающую массу нашего общества, именно они своими предписаниями не позволяют ему распадаться на отдельные и несвязанные фрагменты. Именно они удерживают нас всех вместе.

66

В сложившейся рецепции АНТ доминирует представление о том, что встроенный автор-технолог — это альтер эго Латура, от лица которого он рассказывает свою концепцию технологии, чтобы она выглядела убедительнее. Многие полагают, что латуровский ответ на вопрос, где недостающая масса, совпадает с ответом «технолога». Наше расследование постепенно зарождаёт сомнение в том, что это так. Почему? Потому что далее де-скрипция двери перестает развиваться по сценарию «технолога».

Разоблачение «технолога» и сценарий Латура

«Технолог» в отчаянии

Что же пошло не так? Где сценарий «технолога» исчерпывает себя? «Технолога» постигает большое разочарование на пути делегирования не-человекам, т. е. на том самом пути, по которому он вел нас все это время. Иными словами, «технолога» постигает разочарование в инсценированной им «эффективной технологии». Текст-2006 надежно зафиксировал это.

«Петли плюс доводчик — это мечта технолога об эффективном действии, по крайней мере так было до того печального дня, когда я увидел объявление, прикрепленное к дверям Ла Виллет, с которого я начал свое рассуждение: „Доводчик бастует“. Значит, мы не только смогли делегировать акт закрывания двери от человека не-человеку, мы также оказались способны делегировать ему недисциплинированность нашего маленького сорванца (и, возможно, соответствующий профсоюз)» (с. 209).

В одночасье уверенность и высокомерие, с которым фиктивный технолог указывал социологам, чем им следует заняться, улетучиваются, и тон его нарратива становится не менее отчаянным, чем тон самой известной в социологии записи на двери. Обратимся к стенограмме его стенаний.

«Бастует... Только представьте себе это! Не-человеки, прекращающие работу и требующие — чего? Выплат пособий? Свободного времени? Офисов с хорошим видом? Однако здесь бесполезно чем-то возмущаться, потому что не-человеки, несомненно, не являются настолько надежными, чтобы нереверсивность, которой нам хотелось бы их наделить, была абсолютной» (с. 209).

Значит, не только люди могут быть ненадежными. Абсолютная нереверсивность недостижима. И если мы вместе с моральными пре-скрипциями можем делегировать не-человекам недисциплинированность, тогда выбор в пользу делегирования не-человекам становится не таким уж очевидным¹. Несмотря на оригинальность и глубину своих рассуждений, «технолог» отталкивается от представлений о примордиальном и априорном различии между людьми и не-человеками. Он неявно допускает, что человеческие акторы по определению слабы и непрочны, а не-человеческие — стойки и надежны. Если же артефакты могут вести себя так же непредсказуемо, как люди², тогда технология как систематическое делегирование компетенций не-человекам не является решением проблемы, а оказывается частью самой проблемы поддержания нереверсивной асимметрии.

67

Неустрашимость антропоморфизма

Итак, доводчик бастует. Не «бастует», а именно что бастует, и этой своей человечностью приводит «технолога» в отчаяние. Но у него был очевидный шанс спасти свой сценарий, обвинив анонимных авторов сакраментальной надписи в антропоморфизме. Почему он не воспользовался им? Текст-2006 показывает, что обвинения в антропоморфизме неприемлемы для «технолога», поскольку: 1) это означало бы перейти на сторону презираемых им социологов, для которых антропоморфизм «является грехом, подобным зоофилии,

1 Это не значит, что делегирование людям становится более предпочтительной альтернативой, но что сам выбор становится куда более проблематичным и реальным, чем это представил нам «технолог».

2 Чтобы лучше представить себе опыт взаимодействия с непредсказуемыми артефактами, отвлекитесь на минуту от примера с дверью, и вспомните о вай-фай-роутере в своем университете, который ведет себя то как герои Стивена Сигала, то как Робин Райт в фильме «Форрест Гамп».

но только еще хуже» (с. 210); 2) отказ от антропоморфизма ведет к отказу от самой идеи делегирования человеческих компетенций не-человекам. Этимология слова оставляет нас в неопределенности: «άνθρωπος и μόρφος вместе означают либо то, что имеет человеческую форму, либо то, что придает форму людям» (с. 208).

Эта неопределенность позволяет одновременно говорить и о том, что технологии являются человеческими конструктами, и о том, что артефакты замещают действия людей, и о том, что не-человеки формируют человеческие действия через заложенные в них предписания. Антропоморфизм, будучи ядром сценария «технолога», только и позволяет увидеть в не-человеках моральных агентов и обнаружить в них недостающую массу. Однако сохранив антропоморфизм в своем сценарии, «технолог» вынужден отказаться от допущения, что не-человеки по определению надежнее людей и не могут вести себя непредсказуемо. Он признается, что «споры вокруг антропоморфизма возникают потому, что мы верим в реальное существование „людей“ и „не-человеков“, не осознавая, что это *приписывание* ролей и действия также являются результатом определенного выбора» (с. 211).

68

Но мы уже знаем, что «технолог» был одним из тех, кто верил в реальное существование людей и не-человеков, т. е. в ничем не обусловленное различие между способностями людей и артефактов.

После того как идея делегирования доводится до логического конца, все человеческое может быть *в принципе* (но не обязательно *на практике*) делегировано не-человекам и в том числе необязательность, ненадежность, недисциплинированность — голос «технолога» срывается и глохнет. На авансцену выступает другой автор — Латур собственной персоной. На данном этапе расследования перед нами встает локальный вопрос: в какой мере голоса «технолога» и Латура гармонируют или диссонируют? Имеем ли мы дело с двумя «авторами» или с одним? Наша рабочая версия состоит в том, что имеет место сильное расхождение между сценариями Латура и «технолога». Появившись в тексте, Латур последовательно деконструирует «технолога», корректирует его сценарий и по-другому отвечает на вопрос о недостающей массе.

Разоблачение «технолога»

Деконструкция «технолога» и постепенная артикуляция сценария Латура берет свое начало в контексте различения между вписанными и действительными производителями/пользователями. Существует нередуцируемая неопределенность относительно того, согласятся ли (суб-скрипция) пользователи играть те роли, которые им предписывают технические артефакты или нет (де-инскрипция).

Разработчики и пользователи вписаны в машину, так же как автор (ы) и читатели вписаны в текст. Однако зазор между инскрибированным читателем/пользователем и читателем/пользователем из плоти и крови может быть как нулевым, так и огромным. В первом случае мы будем иметь дело с локальной инсценировкой технологической утопии или дистопии, и технологического детерминизма будет достаточно для понимания этого мира. Во втором случае мы попадем в мир либо луддитов, скорее разрушающих, чем пользующихся машинами, либо амишей, до известной степени игнорирующих технологии. Вполне вероятно, что социологического реализма, описывающего установки разных групп, было бы достаточно, чтобы понять эти вселенные. Латур резюмирует: «мы можем назвать *социологизмом* утверждение, что при наличии компетенции и предписывания человеческих пользователей и авторов, вы можете вычитать тот сценарий, в соответствии с которым будут действовать акторы-не-человеки; а *технологизмом* — симметричное утверждение, что при наличии компетенции и предварительного вписывания в акторов-не-человеков, вы можете запросто вычитать и вывести то поведение, которое предписывается авторам и пользователям» (с. 213).

Социологизм в этом тексте присутствует имплицитно в качестве предписанных ожиданий читателей-«социологов» и как точка негации для «технолога».

69

«Это реверсирование сил есть то, на что социологи должны обратить внимание, чтобы осознать „социальное конструирование“ техники, вместо изучения того гипотетического социального контекста, для понимания которого они не подготовлены (*такого рода насмешливые замечания социологи ожидают услышать от технологов, и мне не захотелось вас разочаровывать*)» (с. 202).

«Технолог», очевидно, находится в оппозиции к социологизму, однако каково его отношение к технологизму? Чтобы понять это, выделим основные элементы его сценария.

Во-первых, «технолог» дискриминирует людей и не-человеков как априорно различающиеся сущности. Поэтому он убежден, что именно делегирование не-человекам приводит к эффективному реверсированию сил, в то время как делегирование людям приводит к обратным эффектам.

Во-вторых, ссылаясь на Лэнгдона Уиннера¹, «технолог» видит в артефактах, формирующих действия человека, оплот рутин-

1 Позитивные ссылки на Уиннера должны были насторожить знатоков Латура, поскольку в его концепции технологии вряд ли можно обнаружить идею трансляции (в смысле переноса без искажений и преобразований) политических интересов через технические системы и артефакты, таким образом, чтобы они создавали намеренные эффекты неравенства и т. п.

ной морали¹. Не-человеки тем безжалостнее в моральном отношении, чем выше их квалификация и чем дружественнее они пользователю (с. 206). Отсюда имплицитный нормативный выбор «технолога» в пользу делегирования квалифицированным не-человекам.

В-третьих, и это самое главное, если недостающие моральные массы наших обществ кроются собственно в не-человеках (в частности, в технических артефактах), если именно они заставляют нас быть хорошими и послушными, тогда мы допускаем, что дескрипции скриптов и пре-скрипций не-человеков достаточно для описания действий людей. Иными словами, мы допускаем, что, зная сценарии, предписания и требования технических объектов, мы можем знать, как будут действовать люди в ситуациях, релевантных этим объектам. В итоге сценарий «технолога», которого многие путают с Латуром, окольной дорогой ведет нас к усложненной версии технологического детерминизма, замешанного на семиотике.

70 Таким образом, технологизм — это именно та позиция, которую занимает «технолог» и которая инсценировалась в тексте-2006 вплоть до раздела «Антропоморфизм». Не желая разочаровывать читателей-«социологов», последовательно оскорбляя все их предполагаемые ожидания, «технолог» инсценирует технологизм — копию социологизма с противоположным знаком.

Позиция Латура недвусмысленно скептична в отношении крайностей социологизма и технологизма: «Надеюсь, что с этого момента две эти нелепые точки зрения *исчезнут со сцены*, поскольку акторы в любом отношении могут быть как людьми, так и не-человеками и поскольку *перемещение (или трансляция, или транскрипция) делает невозможным легкое вычитывание одного репертуара из другого*» (с. 213–214).

С этого момента виртуальные примитивные социологи, которых пытается скандализировать «технолог», равно как и он сам, исчезают со сцены. Далее повествование развивается по сценарию Латура. С одной стороны, он вписывает в своей текст более компетентных читателей, предписывая им способность к распознаванию более тонких и хрупких различий. С другой — по мере того как голос «технолога» постепенно стихает, Латур артикулирует свой сценарий и дает другой ответ на вопрос о недостающей массе.

1 Текст-1992 усиливает это впечатление, рассказывая о системе безопасности автомобиля, которая не позволила «автору» вопреки его желанию поехать на работу, не пристегивая ремень. «Я больше не могу быть плохим», — с некоторым опустошением резюмирует автор свою неудавшуюся попытку аморального акта [Latour, 1992, p. 225–226].

Сценарий Латура

Если сценарий технолога ведет в тупик технологического детерминизма, то куда ведет сценарий Латура и в чем он состоит? Сценарий Латура ведет к другому ответу на вопрос, где недостающая масса. На пути к этому ответу Латур прежде всего деконструирует примордиальность различения между людьми и не-человеками, смещая акцент с дилеммы распределения компетенций на проблему атрибуции. Сохранив идею антропоморфизма с ее неопределенностью относительно того, имеем ли мы дело с проекцией человеческой формы на не-человеков, или с чем-то, что формирует самого человека, мы оказываемся перед лицом проблемы *приписывания* исполняемых в ситуации действий «людям» или «не-человекам». Здесь вновь полезные сведения предоставляет оригинал, в котором *приписывание* текста-2006 соответствует термину *attribution*. В семиотическом словаре, разработанном Мадлен Акриш при участии Латура, ему соответствует понятие аскрипции¹ (*ascription*): «Мы называем аскрипцией атрибутирование какого-либо эффекта одному аспекту ситуации (*setup*)» [Latour, 1992, p. 257].

Проблема атрибуции состоит не в том, чтобы решить (как это было у «технолога»), какие компетенции делегировать людям, а какие не-человекам, как если бы люди и не-человеки существовали до и независимо от этого распределения, а в том, чтобы описать, как и при каких условиях одни компетенции и действия атрибутируются или приписываются людям, а другие — не-человекам².

В сценарии Латура, в отличие от сценария «технолога», различие между людьми и не-человеками теряет свою исходную, примордиальную значимость³. Все сущности вне зависимости от их природы оказываются лейтенантами, держателями мест авторов, пользователей, компетенций, ролей в сценариях. У Латура понятие компетенции как способности провести некоторое различие в мире или успешно⁴ добиться некоторого положения дел оказыва-

71

- 1 Например, (не) эффективность решения дилеммы отверстия-стены может быть приписано или аскрибировано гению/бесталанности изобретателя доводчика двери, самому доводчику, плотнику (не) качественно выполнившему его установку, стране производителю, (не) поддерживающей высокий стандарт качества и т. д.
- 2 Выбор того, кто/что (дух, человек, никто, машина) совершает эту атрибуцию, является еще одним выбором, являющимся предметом переговоров в каждой ситуации [Latour, 1992, p. 256 fn 13].
- 3 Это, однако, не означает, что оно вообще перестает быть значимым.
- 4 Смысловой компонент успешности является очень важным для подходов, описывающих действие в категориях компетенций, а не диспозиций. Обретение компетенции, само действие может оказаться не успешным, под-

ется более фундаментальным, чем различие человеческого и не-человеческого. В более поздней работе Латур выражает эту идею следующим образом: «Я хочу занять место на сцене до того, как мы сможем четко разграничить людей и не-людей, цели и функции, форму и материю, до того, как обмен свойствами и компетенциями станет наблюдаемым и интерпретируемым» [Latour, 1994, p. 35].

Далее Латур указывает на слабость сцен/ситуаций, предоставленных лишь своим собственным скриптам. Неустрашимая неопределенность относительно дистанции между вписанными и действительными пользователями приводит к тому, что скрипты и пре-скрипции сцен/ситуаций не могут контролировать оказавшихся в них пользователей. Сами по себе артефакты и ситуации, в которые они вписаны, не способны действовать на расстоянии [Латур, 2014а, с. 339–359]. Доводчик, как утверждает текст-2006, «совершенно не способен помочь людям добраться до двери. Уже на расстоянии пятидесяти сантиметров он бесполезен» (с. 212).

Однако бессилие ситуаций, равно как и их могущество, относительны. Конкретная сцена может опираться на локальные достижения серии других ситуаций и предварительно вписывать их в свой сценарий¹ (с. 212). Текст-1992 называет предварительным вписыванием или пред-инскрипцией «всю работу, которая была проделана выше по течению от сцены, и все, что было ассимилировано актором (человеческим или не-человеческим) до того, как он появился на сцене в качестве пользователя и автора» [Latour, 1992, p. 257 fn 16].

Но одного предварительного вписывания недостаточно, чтобы минимизировать риски, с которыми сталкиваются локальные сцены. Необходимо, чтобы ситуации были последовательно выстроенны, а их скрипты — совместимы. Для этого Латур вводит понятие о-граничения (circumscription) сцены, под которым понимается «организация в ситуации ее собственных пределов и демаркаций (двери, разъемы, фойе, введения)» [Latour, 1992, p. 257 fn 17].

верженным риску. Сущность может постигнуть неудача в попытке стать актором. Действие в этом смысле является достижением, эффектом, возникающим во взаимодействии с окружением сущности. В этом контексте Латур на протяжении всей своей карьеры исследовал условия успешности различных способов производства реальности. В то время как понятие диспозиции и в социологии Бурдьё говорит о том, что приобретенная диспозиция становится неотъемлемым свойством агента. У агента может не получиться достичь конкретных целей или результатов, но он не может утратить свой агентский статус. Способность действовать — его примордиальное качество.

1 В этой связи деконструкция Латуром различия между ситуацией и контекстом становится более понятной.

Понятие о-граничения ситуации позволяет увидеть работу по соотнесению того, что вписано в собственно машины и тексты, и того, что пред-вписано в пользователей. Благодаря этому мы можем заметить, как то, что часто аскрибируется или приписывается техническим артефактам как таковым, в «большой мере зависит от целого ряда других последовательно выстроенных ситуаций» (с. 213). Серия ситуаций, расположенных «выше по течению» от де-скрибируемой сцены, создает своего рода «канал», по которому пользователь с большой долей вероятности сможет добраться до конкретной сцены и вступить во взаимодействие с ее программой действия. Градиент последовательно выстроенных ситуаций, которые наделяют акторов предварительно вписанной компетенцией, позволяющей находить себе пользователей, Латур называет «креодом» или необходимым путем.

Вводя в свой сценарий пред-инскрипции и креоды, Латур (в отличие от «технолога») указывает на то, что необходимо исследовать не только «обязательные точки прохождения» или двери (с. 208), но и обязательные пути следования, которые позволяют сценам и пользователям находить друг друга. Чтобы в дверь Палаты кто-либо прошел, необходимо проделать куда больший объем работ, чем это предполагал «технолог», инсценируя одностороннее делегирование от людей к не-человекам. Следовательно, де-скрипция артефактов и ситуаций как таковых приведет по сути к таким же результатам, что и социология «голых» людей, игнорирующая не-человеков. Вместо социологии вещей мы получим социологию объектов.

Наконец, прежде чем дать ответ на вопрос о недостающей массе, Латур добавляет к плану делегирования ортогональный план фигуративности, но столь же нечувствительный к различению между человеческим и не-человеческим (с. 214). Актер становится тем более фигуративным, чем больше его очертания имеют специфический и индивидуальный характер¹. Но фигуративное не обязательно че-

1 Мой знакомый Иван Иванович, рассказывающий на досуге о бытовых реалиях сотрудников дорожно-постовой службы, столь же фигуративен, как и персонаж Сергея Никоненко в фильме «Инспектор ГАИ». Но и тот, и другой более фигуративны, чем простой сотрудник ДПС, остановивший вчера вашу машину для проверки документов, который фигуративен в той же мере, что и вырезанный из фанеры силуэт сотрудника ДПС или, хуже того, робот-полицейский с лицом Путина или, не дай бог, вашей мамы, подающих знаки об аварийной опасной ситуации на дороге. Оба они побуждают вас сбросить скорость на опасном участке дороги, по крайней мере до того, как они провалят тест Тьюринга (с. 216). Однако и робот, и фанерное пугало менее фигуративны в сравнении и с сотрудниками ГИБДД или просто с ГИБДД из новостных сообщений, и с красным восьмиугольником с надпи-

ловеческое, а не-фигуративное не обязательно не-человеческое. Держателями фигуративных компетенций с равной долей успешности могут быть акторы самой разной природы (и люди, и знаки, и механизмы). Поэтому исследователю технологии следует воздержаться от постулирования природы акторов, с которыми имеет дело технология. Именно в этих целях Латур вводит семиотическое понятие актанта. Именно поэтому «различия между людьми и не-человеками, воплощенными и развоплощенными навыками, персонификацией и „механизацией“ являются менее интересными, чем вся цепочка, по которой распределяются компетенции и действия» (с. 216).

Ортогональное пересечение планов фигуративности и делегирования показывает, что делегирование может быть успешным совершенно по-разному. В поисках усиления программ действия инженеры могут перемещаться по цепочке делегирования в разных направлениях — от тел к знакам и механизмам и обратно. Фигуративное измерение подчеркивает, что делегирование — это имя операции переключения между материальными репертуарами, а не указатель направления этого переключения. При этом баланс человеческого и не-человеческого в цепочке выстроенных ситуаций ничего не говорит о надежности их сцепления. Мы можем и должны допускать ситуации, в которых люди будут более стойкими и надежными, чем не-человеки [Tchalaikov, 2004].

74

Где недостающая масса? Ответ Латура

Переключая внимание с не-человеков как таковых на всю цепочку делегирования, Латур (в отличие от «технолога») дает другой ответ на вопрос, где недостающая масса: «Именно вся цепь целиком составляет недостающую массу, а не какое-либо из ее крайних звеньев» (с. 216).

Текст-1992 добавляет к этому следующее: «Парадокс технологии заключается в том, что она считается одним из крайних звеньев, в то время как умение инженеров перемещаться по всему градиенту и замещать один тип делегирования другим является неотъемлемой частью этой работы» [Latour, 1992, p. 244].

Социологи должны обратить внимание на огромный массив работы, проделываемой людьми и не-человеками разными способа-

стью STOP, размещенным возле проезжей части. Еще более нефигуративным является лежащий полицейский. Однако он, как и все другие фигуративные или не-фигуративные, человеческие или не-человеческие лейтенанты, может быть проигнорирован пользователем. Хотя в этом случае придется считаться с тем, что по этому поводу думает подвеска вашего автомобиля.

ми и в разных направлениях¹. Именно эта распределенная работа, а не сами не-человеки ускользают от их внимания, создавая эффект «недостающей массы».

Когда вся цепочка делегирования оказывается в поле нашего зрения, технические артефакты из непроблематичных фактов (*matter of fact*) превращаются в предметы беспокойства (*matter of concern*) или спорные вопросы (*issues*), собирающие вокруг себя гетерогенные публики [Латур, 2012]. Из объектов они превращаются в вещи².

«Технолог» делает с дверью то же, что Дэмиан Ортега делает с Фольксвагеном-жуком в инсталляции «Космическая вещь». Он изображает ее как ансамбль деталей, как объект, открытый для проверки и контроля [Latour, 2007, p. 140–141]. Латур замечает, что для того, чтобы инсталляция Ортеги соответствовала своему названию, ему необходимо было бы «сначала талантливо *расширить* множество частей, необходимых для сборки „Жука“, а затем *умножить* количество принципов сборки этих частей в функционирующее целое» (курсив в оригинале) [Ibid, p. 140].

Сценарий Латура возвращает в описание двери «удивление и неясность, которые столь характерны для техник-как-вещей и которые техники-как-объекты, изображенные в режиме *res extensa*, полностью скрывают» [Ibid, p. 141]. *Особого рода вещь*, замеченная нами в самом начале и затушеванная в сценарии «технолога», вновь появляется на сцене в виде всей цепочки делегирования, составляющей

- 1 Сфокусироваться на этой работе — значит также обратить внимание на то, что не-человеки так же хрупки, как и люди, что конструкции, которые мы склонны считать чисто техническими, в принципе столь же (не) устойчивы как и те, что мы называем «социальными». «Нам не хотелось еще когда-нибудь вспоминать об этой двери... и вот, пожалуйста, мы вновь озабочены» (с. 209). Делегирование не-человекам создает эффект сворачивания времени (с. 205), но он не абсолютный, а относительный. Обитателям Палаты кож могло казаться, что работа по закрыванию двери в прошлом, но прошлое, как и вытесненное, имеет свойство возвращаться.
- 2 Корректировка Латуром сценария «технолога» состоит в том, что дверь, вокруг которой вращается повествование нашего множественного текста, превращается из отдельного артефакта в транслокальную сцену. В нее вписан не только сценарий обращения с дверью как конкретным артефактом, но и пред-вписаны компетенции, которыми должен владеть удаленный пользователь, чтобы добраться до нее, а также весь путь, по которому он должен пройти. Технологизм, сосредотачивающийся на содержании не-человеков и усматривающий в них скрытые моральные массы, и социологизм, обращающийся к социальному контексту технических артефактов, перестают быть альтернативами. Различение между содержанием ситуации и ее контекстом упраздняется. Дверь оказывается своего рода монадой, преломляющей в своей специфической прагматической перспективе весь Париж.

недостающую массу общества. Человеческого в ней оказывается столько же, сколько и не-человеческого. Этот простой технический артефакт столь же (не)предсказуем и (не)дисциплинирован, как и посетители Палаты кож.

Программы, антипрограммы и динамика ре-инскрипции

После того как читатели получают новый ответ на вопрос о недостающей массе, «технолог» в лучших традициях героев детективных романов возвращается на место преступления. Только теперь оно превратилось в подготовленную Латуром сцену, на которой «технологии» кажутся все более неуместными. Он извлекает банальный урок о недисциплинированности и неосторожности людей (с. 217). Он стыдливо признает, что технология (так же как бессмертное общество социологов) не справилась с миссией высшей апелляционной инстанции. Обитателей Палаты кож, сменивших фундаментализм моральных принципов на фундаментализм эффективного не-человечества, постигла неудача в решении дилеммы стены-отверстия, и теперь им остается лишь тщетно взывать к почитанию Бога в сердцах людей (с. 217). Он впадает в ламентацию по старым добрым временам, когда люди были обязательнее, а вещи лучшего качества, попутно сожалея, что электрошок не применяют к людям так же широко, как к коровам (с. 218). Наконец, он указывает на еще одну дилемму инкорпорирования/экскорпорирования компетенций, с которой сталкиваются инженеры (с. 219).

Однако, как только «технолог» обозначает эту дилемму, Латур его резко обрывает: «Единственный способ следовать за инженерами в действии состоит в том, чтобы смотреть не на внешне- или внутрисоматическое делегирование, а только лишь на их работу по ре-инскрипции» [Latour, 1992, p. 247].

Только что введенная практическая альтернатива между внутри- и внешнесоматическим делегированием, предположительно значимая для проектировщиков, резко понижается в классе и оказывается менее важной, чем аналитическое различие между инскрипцией и ре-инскрипцией, значимое для исследователей технологии. Трудно понять эту перемену настроения в тексте, если не принимать во внимание усиливающееся различие между двумя встроенными авторами: «Латуром» и его «технологом».

Латур иллюстрирует ре-инскрипцию, т. е. инскрипцию (или перевод, или делегирование), взятую в движении, на примере ремня безопасности автомобиля. Даже в самом простейшем своем виде ремень безопасности соединяет в себе противоречивые требования. Он одновременно должен быть эластичным, чтобы водитель чувствовал себя комфортно, имел возможность взять что-нибудь

из бардачка, перенастроить радио и т. п., и неэластичным, чтобы обеспечить безопасность водителя при столкновении. «Красота артефактов состоит в том, что они принимают на себя противоречивые желания или нужды людей и не-человеков» [Latour, 1992, p. 247].

В программу действия более современных ремней безопасности инсрибирована строгая практическая альтернатива: *ИЛИ* автомобиль движется, *ИЛИ* ремень не пристегнут. При этом логика прагматической программы ремня создает исключенное третье. В ситуации, когда ремень не пристегнут *И* автомобиль находится в движении, раздаётся резкий и раздражающий звуковой сигнал, принуждающий водителя выбрать одну из альтернатив: либо пристегнуть ремень, либо остановиться. Латур называет это законом исключенного третьего. Но этот закон, как и любой другой, можно обойти. Пользователь может прибегнуть к антипрограмме, отключив или обманув датчик системы безопасности. В результате прагматическая синтагма — автомобиль движется *И* ремень не пристегнут — перестанет быть исключением.

Однако инженеры могут противопоставить этой антипрограмме ре-инсрипцию. Они могут либо увязать вместе датчик ремня безопасности и устройство зажигания, либо разработать такой механизм, который будет надежно пристегивать водителя в момент зарывания двери и отстегиваться во время ее открывания [Latour, 1992, p. 226]. Тогда единственным способом путешествовать в автомобиле не пристегнутым будет ехать с открытой дверью, на что решится предположительно небольшое количество водителей. Латур заключает: «Если вы исследуете сложный механизм, не видя, что он ре-инсрибирует противоречивые спецификации, то вы предлагаете скучное описание. Однако все детали артефакта становятся обволакивающими, когда вы видите, что каждый маховик и коленчатый вал является возможным ответом на возражение. На практике программа действия является ответом на антипрограмму, против которой механизм укрепляет себя. Смотреть на механизм в отдельности — все равно что во время теннисного матча смотреть только на одну половину корта; игра кажется множеством бессмысленных движений» [Latour, 1992, p. 247].

Если теперь разница между Латуром и «технологом» не вызывает сомнений, то мы можем задаться следующим вопросом: кто такой «технолог»? Если его голос действительно существенно отличается от голоса самого Латура, то кому принадлежит этот нарратив, можем ли мы установить личность этого автора? Почему в тексте-1988 трюк с фиктивной идентичностью автора разыгрывается в полной мере, а в тексте-1992, равно как и в русском переводе 2006 г., — нет? Произошло ли какое-то смещение в теории, методе и стиле между текстами 1988 и 1992 гг.? Чтобы ответить на эти вопросы, нам не-

обходимо обратиться к проблеме стиля в нашем множественном тексте.

Стиль письма о вещах

Самоиллюстрация метода и ре-инскрипция «исследований технологии»

Чтобы не затягивать развязку этого и без того затянувшегося расследования, расскажем о наших подозрениях в самом начале этой заключительной части. Пазл нашего множественного текста начинает окончательно складываться, когда мы обнаруживаем, что в текстах 1988 и 1992 гг. мы имеем дело с двумя разными «технологами», которые находятся в двух разных отношениях с Латуром как предполагаемым автором текстов из крови и плоти. «Технолог»-1988 представляет собой делегированного фигуративного автора, позиция которого идентична позиции Латура относительно не-человеков и технологии в этот период. В тексте-1988 этот стилистический прием указывает, что общий смысл истории может оставаться тем же самым, несмотря на замену имени, профессиональной идентичности автора и места действия. Выбор природы и степени фигуративности своего альтер-эго в тексте остается за автором и не делает текст ни более, ни менее рефлексивным. «Технолог»-1992 — это во многом Латур конца 1980-х, от которого Латур начала 1990-х дистанцируется. Смысл литературного приема здесь состоит в том, чтобы создать в тексте-1992 имплицитное напряжение за счет разницы между голосами «технолога» и самого Латура. Данный стилистический ход демонстрирует динамику ре-инскрипции на примере отдельно взятого текста Латура и, таким образом, является самоиллюстрацией метода материальной семиотики. Попробуем разработать эту версию.

Во-первых, несмотря на обширные текстуальные пересечения, текст-1992 по сути начинается там, где заканчивается текст-1988. Основными итогами текста-1988 стали: а) призыв обратить внимание на не-человеков; б) урезанная версия семиотического словаря описания, позволяющего это сделать; в) росток метафоры не-человеческих масс, рвущихся в пространства социологических теорий. Эти достижения безотлагательно появляются на первых страницах текста-1992. Массы не-человеков первоначально составляют ядро метафоры недостающей массы, однако растворяются в ней по ходу текста. Предложение переключить внимание с людей на не-человеков звучит в самом начале. Семиотический словарь описания, став более обширным, последовательным и систематичным, тем не менее является не целью, а средством аргументации. Показательно также

то, что большие фрагменты текста-1988 вписаны в текст-1992 в качестве примечаний. Все это говорит о том, что текст-1988 был вписан в текст-1992 как одна из спецификаций общего аргумента.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, в каком контексте происходит дезавуирование «технолога». В тексте-1988 он разоблачается в связи с обсуждением степени фигуративности делегатов в рассказах и механизмах и, что характерно, при участии редактора (подлинность идентичности которого не была подвергнута сомнению). В тексте-1992 последовательная и постепенная деконструкция «технолога» начинается в разделе «Встроенные авторы и пользователи» в связи с обсуждением нередуцируемой свободы, которой обладают авторы относительно своих делегированных альтер-эго, а читатели — относительно тех предписаний, которые разработаны для них авторами. Среди прочего отмечается: «Между пользователем, который задается предписанием, и пользователем из плоти и крови может быть огромный зазор, различие столь же большое, как между „я“ повествователя в романе и его автором» (с. 211-212).

Показательно, что трюк с фиктивной идентичностью автора статьи разыгрывается в полной мере только в тексте-1988. Автором статьи значится Джим Джонсон, с самого начала представляющийся технологом из Огайо. Читателям даются подсказки в виде примечания, в котором сказано: «для деконструкции автора смотрите с. 304», и колонтитулов, где фигурирует фамилия Латура. Ключевым эффектом трюка с надеванием маски и ее последующим снятием (как и во всех других историях с переодеваниями) является установление идентичности между двумя персонажами. В тексте-1992 «технолог» появляется, набирает силу, терпит неудачу и деградирует внутри текста. При этом Латур никогда не покидает поле нашего зрения. Та же самая операция встраивания «автора» приводит, однако, к эффекту де-идентификации между Латуром и его «технологом», когда мы замечаем, как текст начинает колебаться между двумя все более расходящимися позициями.

Стилистический прием, примененный здесь Латуром, является самоиллюстрацией метода в том смысле, что текст-1992 является ре-инскрипцией текста-1988. Он вбирает в себя противоречивые элементы нарративной программы, включая в себя одновременно и позицию текста-1988, и ответы на антипрограмму в виде упреков в технологическом детерминизме, которыми были встречены ранние работы Латура по социологии техники.

В некотором смысле текст-1992 показывает динамику ре-инскрипции в «исследованиях технологий» как области в целом. Он тонко откликается на призыв найти баланс между технологическим и социальным детерминизмом, обозначенный во вступительной части сборника, в котором он был опубликован [Bijker, Law, 1992,

р. 1-17]. Однако траектория нашего множественного текста между 1988 и 1992 гг. иная, чем, скажем, у Вибе Бейкера, который пытается скорректировать при помощи теории структуриации и технологического фрейма исходную социально-конструктивистскую концепцию за счет признания того, что процесс конструирования может различаться в зависимости от артефакта и области изобретения [Vijker, 1992]. Латур движется от семиотического технологизма к социологии вещей, перестраивая по пути и теорию технологии, и теорию общества.

Самопротиворечивые тексты

Чтобы лучше понять стиль письма о вещах, обратим внимание на то, как соотнесены голоса «технолога» и Латура в тексте-1992. Голос «технолога» рядоположен голосу Латура, напряжение между ними не снимается в некотором разъяснении или общей схеме. «Технолог» появляется в тексте, деконструируется, но не элиминируется, что позволяет ему вновь появиться и имплицитно спорить с Латуром. Ввиду этого текст-1992 легко обвинить в самопротиворечивости [Латур, 2012b, с. 113-116]. Эта внутренняя противоречивость и является одной из ключевых черт стиля письма о вещах, который впоследствии Латур назовет стилем *matters of concern* [Latour, 2008]. Противоречивость является иллюстрацией того, что текст, так же как и механизм, может принимать на себя противоречивые требования. И если социологи имеют дело с описанием вещей, заключающих в себе противоречивые требования людей и не-человеков, то и их тексты должны избавиться от комплекса внутренней противоречивости, не устранять их, не снимать в диалектическом целом более общего порядка¹.

В процессе нашего исследования мы стали свидетелями предпринятого Латуром литературного эксперимента по превращению своего текста в вещь. Именно это обстоятельство сделало возможным наше обстоятельное расследование, которое вряд ли было бы возможно провести в отношении любого текста. Латур превращает в полемическую вещь скорее свой текст, чем саму дверь, о которой, казалось бы, идет повествование². Чтобы увидеть, как Латур превра-

1 Джон Ло разовьет эту интуицию в концепцию некогерентных методов социальных наук [Ло, 2015].

2 Самопротиворечивые тексты сталкиваются с теми же, если не с большими рисками, что и все остальные тексты. Несмотря на то что тексты в отличие от машин допускают (по утверждению Латура) соприсутствие между автором и читателем, многие пользователи могут пройти мимо и не заметить присутствие автора текста, как если бы он был механизмом. Хитрый ин-

щает в вещь техническую инновацию, нам следует обратиться к его эмпирическому исследованию [Latour, 1996a].

Текст-2006, будучи гибридом текстов 1988 и 1992 гг., усиливает ощущение внутренней противоречивости. В некотором отношении он не только внутренне противоречив, но и непоследователен. При том, что общая логика повествования, включая центральную метафору, соответствует (за рядом исключений) тексту-1992, его заключение является практически не измененной концовкой текста-1988. Читатель, принявший предложенное здесь различие между Латуром и его «технологом» и читающий статью в перспективе их имплицитной дискуссии, будет разочарован нелогичным и даже скоростижным концом текста-2006. Вслушаемся в последние реплики каждой из пьес, поставленных Латуром. Они не только подведут итог стилистической линии расследования, но неожиданно возвратят нас к теоретическому вопросу о «недостающей массе».

Текст-2006 после всего, что было сказано о цепочках перевода, разнообразных направлениях делегирования, о нередуцируемой свободе авторов/разработчиков и читателей/пользователей, о различии типов перемещения, порождающих повествования и машины, внезапно заканчивается следующими словами: «изучение социальных отношений невозможно, если не принимать во внимание не-человеков. Одна из задач социологии состоит в том, чтобы сделать для масс не-человеков, составляющих наши современные общества, то, что она с таким успехом сделала для масс обычных, никого не интересующих людей, которые составляют наше общество. Чтобы найти недостающие массы, к обычным людям надо добавить теперь живой, очаровательный, благородный... обычный механизм» (с. 222).

Это заключение неожиданно и непоследовательно по двум соображениям: 1) финальный вывод ничем не отличается от вступительного заявления. Ход аргументации, несмотря на серьезные отклонения от исходной интуиции, не внес никаких изменений. Получается, что все, что находится между первым и последним абзацем, неинформативно или, как сказал бы Грегори Бейтсон, безразличным различием, *difference that makes no difference*; 2) создается впечатление, что «технолог» вновь немотивированно появляется в тексте и берет верх, в то время как «Латур» сдает позиции.

женер повествований Латур встроил в свой текст настолько сильного и пронизательного автора, что многие читатели приняли этого литературного персонажа за него самого.

Еще один ответ на вопрос, где недостающая масса?

Однако в заключение текста-1992 Латур предписывает социологии совсем иные (чем в тексте-1988) цели и, более того, дает еще один ответ на вопрос, где недостающая масса. Новые цели обозначаются им в контексте различения между программами и антипрограммами: «Цель социотехнического исследования — следовать за динамикой ре-инскрипции, превращая безмолвный артефакт в *полемический процесс*» [Latour, 1992, p. 258 fn 25].

В результате «на месте двух призраков — общества и технологии — появится не просто гибридный объект, чуть-чуть эффективности, чуть-чуть социологизирования, но объект *sui generis*: *коллективная вещь*, линия фронта между программами и антипрограммами. В ней слишком много людей, чтобы она была похожа на прежнюю технологию, но в ней также слишком много не-человеков, чтобы она походила на социальную теорию прошлого» [Latour, 1992, p. 254].

Задача социологии теперь состоит не в том, чтобы принимать во внимание не-человеков, но в том, чтобы превращать *объекты* в полемические и коллективные *вещи* средствами материальной семиотики, предлагаемой Латуром и его коллегами. Сплав трудовых отношений, религии, письма и технологии, вызвавший наше подозрение в самом начале расследования, вновь появляется в самом конце сцены в виде *коллективной вещи*. В этой связи мы получаем еще один ответ на вопрос о недостающей массе: «Недостающие массы находятся в наших традиционных социальных теориях, а не в предположительно холодных, эффективных и не-человеческих технологиях» [Latour, 1992, p. 254].

Это последнее заявление можно трактовать двояко. С одной стороны, как то, что эффект недостающей массы возникает в тех социальных теориях, которые либо сосредоточены исключительно на человеческом, исключая из своего рассмотрения не-человеческое, либо принимают во внимание не-человеков, но ограничиваются описанием лишь артефактов и их прагматических программ, упуская из виду антипрограммы. Теория «технолога» (т. е. ранняя теория технологии Латура) как раз относится ко второму типу теорий.

С другой стороны — это заключение можно понимать и как то, что массы наших традиционных теорий пока недостаточно, чтобы убедительно превращать объекты в полемические коллективные вещи. В связи с этим следует обратить более пристальное внимание на попытки Латура инскрибировать нарративные программы ANT за пределами текстов в других материальных репертуарах [Latour, Weibel, 2002, 2005]. К таковым относится Парламент вещей, а также проект картографирования контроверз, который начался примерно в то же время, что был написан текст-1992 [Latour, Teil, Maguin,

1992]. Сегодня метод картографирования контроверз является мощным инструментом визуализации технологий, своего рода аналогом прямой перспективы для социальных ученых [Blok, Jensen, p. 152-153], которая претендует на то, чтобы помочь социальным ученым не сбиваться со следа вещей или спорных вопросов, или предметов беспокойства, или контроверз, или дел¹, или pragmata.

Заключение

Итак, кто/что мешает нам увидеть разницу между социологией объектов и социологией вещей? Как теперь будет выглядеть ответ на этот вопрос, если мы соединим все три частичных ответа вместе?

Во-первых, различие между объектами и вещами затушевывается ошибочной идентификацией Латура как «технолога» в текстах 2006 и 1992 гг. Принимая «технолога» за Латура и наоборот, мы не распознаем изменений, которые произошли в его социологии между 1988 и 1992 г. Мы видим инскрипцию семиотического технологизма и не замечаем ре-инскрипцию ответов на антипрограммы исходной нарративной программы. Более тонкий и изощренный сценарий Латура пропадает как фон за выпуклой и броской фигурой сценария «технолога». Отсюда мы склонны игнорировать напряжение между разными ответами на вопрос о недостающей массе. Ответ «технолога» — в не-человеках как надежных и безжалостных моральных делегатах. Ответы Латура: 1) в целых цепочках делегирования, по которым можно перемещаться в разном направлении, т. е. в коллективных полемичных вещах и 2) в наших социальных теориях².

Во-вторых, нам мешает предубеждение, что стиль в социальных науках вторичен по отношению к методу и теории. Стиль может служить самоиллюстрацией метода и давать «ключи» к тому, как превращать объекты в вещи. Во многом стиль Латура позволил нам избавиться от комплекса самопротиворечивости и превратить текст в вещь.

- 1 О делах здесь говорится в смысле публичных контроверз, как, например, дело Дрейфуса. См. об этом работу Люка Болтански, посвященную публичной денонсации [Boltanski, 2012, p. 169-272].
- 2 Если мы примем в расчет, что социологические теории, как все остальные теории, являются частью этих цепочек делегирования, что социологические факты являются разновидностью социальных фактов, тогда важными оказываются не только эффекты, возникающие внутри теорий, но и эффекты теорий. В этой связи особое значение приобретает анализ проблемы метода исследования технологий, или проблемы молчания машин, который мы предпримем в одной из последующих публикаций.

В-третьих, увидеть разницу между объектами и вещами нам не дает отсутствие надежных технологий визуализации и коммуникации, благодаря которым можно было бы не определять вещи, но сказать: вот они! Возможно, картографирование контроверз уже пытается решить эту проблему. Именно к этому проекту Латур апеллирует, когда говорит, что исследователи технологий уже научились давать разреженные описания идеализированных материальных аспектов сущностей, постепенно учатся делать насыщенные *post hoc* описания того, что можно увидеть в процессе производства вещи. Однако им еще только предстоит научиться собирать в едином, визуальном когерентном пространстве все сущности, необходимые для того, что вещь стала объектом. Только тогда они смогут вернуть себе (материалистический) материализм и начать описывать рождение космических вещей не в ретроспективе, а в действии [Latour, 2007, p. 142].

Наконец, возможно, сам термин *не-человеки*, призванный заострить наше внимание на разнице между объектами и вещами, теперь уже объективировался и мешает это сделать. Не-человеки для Латура являются тем же, чем системы были для Лумана, указательным пальцем, перенаправляющим наше внимание на не-модерные способы мышления о модерне [Беккер, 2012]. Но ирония заключается в том, что, как и в случае с Луманом, которого считают теоретиком систем (а не системным теоретиком), так и в случае с Латуром, которого считают социологом материальностей (а не материалистическим философом), взгляды многих сосредоточились исключительно на указателе, а не на направлении выхода из теоретического и политического тупика.

Что если...?

Но что, если мы допустим маловероятное, и на нашей сцене вдруг появится Латур собственной персоной (или на худой конец его приближенный) и скажет голосом профессора Хансена из фильма «Осенний марафон»: «Андрей, ви не прав! Все задумывалось и исполнялось совсем не так. Ваша интерпретация надуманна». На это можно ответить лишь то, что судьба текстов находится в руках его читателей. Пока у авторов нет времени заниматься герменевтикой своих собственных текстов, поскольку они заняты новыми захватывающими проектами, читатели могут сделать ее в собственных целях и сами стать авторами. Что, если различия и разногласия в тексте преувеличены? В этом нет ничего удивительного, когда вы рассматриваете что-то под увеличительным стеклом. Что, если это расследование лишь сделало ясное непонятным? Но что, если ясность — это одна из форм полного тумана, которой следует по воз-

возможности избегать? Что, если всего, чего добьется этот текст, так это того, что его читатели (заново) прочитают три (два, один) текста Латура только для того, чтобы оспорить итоги расследования?

Возможно, именно этого наше расследование и добивалось. Что, если вы, дорогие читатели, никогда не путали вещи с объектами и уже прочитали своего Латура достаточно внимательно, чтобы этот текст оказался для вас совершенно бесполезным? У меня нет другого способа узнать это, кроме того, как опубликовать этот текст.

Библиография

- Беккер Д. (2012) Почему системы? *Социология власти*, (6–7): 255–275.
- Вахштайн В. С. (ред.) (2006) *Социология вещей*, М.: Изд. дом «Территория будущего».
- Карчагин Е.В. (2014) Универсальное в локальном: справедливость и городской общественный транспорт. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии*, (4): 68–78.
- Кузнецов А.Г. (2013) «Парадигма Латура»: история одного предательства социального конструктивизма в исследованиях науки и технологий. *Векторы развития современной России: «границы» в социальных науках: Материалы XI Международной научно-практической конференции*, М.: МВСШЭН: 62–75.
- Кузнецов А.Г., Тугушев И.Р., Шайтанова Л.А. (2014) Социология инженеров и общественный транспорт: маршрутные такси, автомобилизация, (не) безопасность. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии*, (4): 52–67.
- Кузнецов А.Г., Шайтанова Л.А. (2012) Маршрутное такси на перекрестке режимов справедливости. *Социология власти*, (6–7): 137–149.
- Латур Б. (2004) Где недостающая масса? Социология одной двери. *Неприкосновенный запас*, (2) (<http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/lat1.html>)
- Латур Б. (2006а) Где недостающая масса? Социология одной двери. В. С. Вахштайн (ред.) *Социология вещей*, М.: Изд. дом «Территория будущего»: 199–223
- Латур Б. (2006с) *Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии*, СПб: Изд-во ЕУСПб.
- Латур Б. (2006d) Об интеробъективности. В. С. Вахштайн (ред.) *Социология вещей*, М.: Изд. дом «Территория будущего»: 169–199.
- Латур Б. (2012а) Коперниковский переворот в политической теории. *Социология власти*, (6–7): 235–255.
- Латур Б. (2012b) Политика объяснения: альтернатива. *Социология власти*, (8): 133–144.
- Латур Б. (2014а) *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*, СПб: Изд-во ЕУСПб.
- Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*, М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

Сивков Д.Ю. (2014) Mobilis in mobili: оплата проезда и справедливость в маршрутном такси. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии*, (4): 79–91.

Хархордин О. (2007) Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено. *Социологические исследования*, (1): 32–42.

Akrich M., Latour B. (1992) A Summary of a Convenient Vocabulary For the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies. W. Bijker, J. Law (eds) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Mass.: MIT Press: 259–265.

Berg M. (1996) The Fruitful A-Modernism of a Lingering Modernist: Commentary on Bruno Latour's «On Interobjectivity». *Mind Culture, and Activity*, (4): 252–258.

Bijker W. (1992) The Social Construction of Fluorescent Lighting, or How an Artifact Was Invented in Its Diffusion Stage. W. Bijker, J. Law (eds) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Mass.: MIT Press: 75–105.

Blok A., Jensen T. (2012) *Bruno Latour: hybrid thoughts in a hybrid world*, London; New York: Routledge.

Boltanski L. (2012) *Love And Justice as Competences*, Cambridge: Polity Press.

Collins H., Yearley S. (1992) Epistemological chicken. A. Pickering (ed.) *Science as practice and culture*, Chicago: The University of Chicago Press: 301–327.

Engestrom Y. (1996) Interobjectivity, Ideality, and Dialectics. *Mind Culture, and Activity*, (4): 259–265.

Kaplan D. (2009) What Thing Still Don't Do. *Human Studies*, (32): 229–240.

Latour B (2013) *An Inquiry Into The Modes Of Existence: An Anthropology Of The Moderns*, Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Latour B. (1992) Where Are the Missing Masses? The Sociology of a few mundane artifacts. W. Bijker, J. Law (eds) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Mass.: MIT Press: 225–259.

Latour B. (1994) On Technical Mediation: Philosophy, Sociology, Genealogy. *Common knowledge*, (2): 29–64.

Latour B. (1996a) *Aramis, Or The Love of Technology*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (2007) Can We Get Our Materialism Back, Please? *Isis*, (98): 138–142.

Latour B. (2008) *What is the Style of Matters of Concern?* Assen: Van Gorcum.

Latour B. (aka Jim Johnson) (1988) Mixing Humans and Nonhumans Together: The Sociology of a Door-Closer. *Social Problems*, (3): 298–310.

Latour B., Teil G., Maguin Ph. (1992) Une Method Nouvelle de Suivi Socio-Technique Des Innovations Le Graphe Socio-Technique. D. Vinck *Gestion de la Recherche*, Bruxells: Professional Publishing: 419–478.

Latour B., Weibel P. (2002) *Iconoclash. Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art*, Cambridge, MA: ZKM, MIT Press.

Latour B., Weibel P. (Eds) (2005) *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*, London: MIT Press.

- Lynch M. (1996) DeKanting Agency: Comments on Bruno Latour's «On Interobjectivity». *Mind Culture, and Activity*, (4): 246-251.
- Mol A. (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.
- Strathern M. (1991) *Partial Connections*, Savage, Maryland: Rowman and Littlefield.
- Tchalakov I. (2004) The Object and the Other in Holographic Research: Approaching Passivity and Responsibility of Human Actors. *Science, Technology, & Human Values*, (1): 64-87.
- Verbeek P.-P. (2005) *What Things Do: Philosophical Reflections On Technology, Agency, and Design*, University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press.

References

- Akrich M., Latour B. (1992) A Summary of a Convenient Vocabulary For the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies. W. Bijker, J. Law (eds) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Mass.: MIT Press: 259-265.
- Bekker D. (2012) Pochemu sistemy? [Why Systems?] *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], (6-7): 255-275.
- Berg M. (1996) The Fruitful A-Modernism of a Lingering Modernist: Commentary on Bruno Latour's «On Interobjectivity». *Mind Culture, and Activity*, (4): 252-258.
- Bijker W. (1992) The Social Construction of Fluorescent Lighting, or How an Artifact Was Invented in Its Diffusion Stage. W. Bijker, J. Law (eds) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Mass.: MIT Press: 75-105.
- Blok A., Jensen T. (2012) *Bruno Latour: hybrid thoughts in a hybrid world*, London; New York: Routledge.
- Boltanski L. (2012) *Love And Justice as Competences*, Cambridge: Polity Press.
- Collins H., Yearley S. (1992) Epistemological chicken. A. Pickering (Ed) *Science as practice and culture*, Chicago: The University of Chicago Press: 301-327.
- Engestrom Y. (1996) Interobjectivity, Ideality, and Dialectics. *Mind Culture, and Activity*, (4): 259-265.
- Kaplan D. (2009) What Thing Still Don't Do. *Human Studies*, (32): 229-240.
- Karchagin E.V. (2014) Universal'noe v lokal'nom: spravedlivost' i gorodskoi obshchestvennyi transport [The universal in the local: justice and urban public transport]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], (4): 68-78.
- Kharkhordin O. (2007) Pragmaticseskii povorot: sotsiologiya L. Boltanski i L. Teveno [Pragmatic turn: Sociology of L. Bolanski and L. Thevenot]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological studies], (1): 32-42.
- Kuznetsov A.G. (2013) «Paradigma Latura»: istoriia odnogo predate'l'stva sotsial'nogo konstruktivizma v issledovaniikh nauki i tekhnologii [«Latour's Paradigm»:

History of one Betrayal of Social Constructivism in Science and Technology Studies]. *Vektory razvitiia sovremennoi Rossii: «granitsy» v sotsial'nykh naukakh: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, M.: MVSSHEN: 62-75.

Kuznetsov A.G., Shaitanova L.A. (2012) Marshrutnoe taksi na perekrestke rezhimov spravedlivosti [Share-taxi at the crossroads of regimes of justification]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], (6-7): 137-149.

Kuznetsov A.G., Tugushev I.R., Shaitanova L.A. (2014) Sotsiologiya inzhenerov i obshchestvennyi transport: marshrutnye taksi, avtomobilizatsiia, (ne) bezopasnost' [Sociology of engineers and public transport: marshrutkas, automobilization, (in) security]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], (4): 52-67.

Latour B. (2013) *An Inquiry Into The Modes Of Existence: An Anthropology of The Moderns*, Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Latour B. (1992) Where Are the Missing Masses? The Sociology of a few mundane artifacts. W. Bijker, J. Law (eds) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Mass.: MIT Press: 225-259.

Latour B. (1994) On Technical Mediation: Philosophy, Sociology, Genealogy. *Common knowledge*, (2): 29-64.

88

Latour B. (1996a) *Aramis, Or The Love of Technology*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (2007) Can We Get Our Materialism Back, Please? *Isis*, (98): 138-142.

Latour B. (2008) *What is the Style of Matters of Concern?* Assen: Van Gorcum.

Latour B. (aka Jim Johnson) (1988) Mixing Humans and Nonhumans Together: The Sociology of a Door-Closer. *Social Problems*, (3): 298-310.

Latour B., Teil G., Maguin Ph. (1992) Une Method Nouvelle de Suivi Socio-Technique Des Innovations Le Graphe Socio-Technique. D. Vinck *Gestion de la Recherche*, Bruxells: Professional Publishing: 419-478.

Latour B., Weibel P. (2002) *Iconoclash. Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art*, Cambridge, MA: ZKM, MIT Press.

Latour B., Weibel P. (Eds) (2005) *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*, London: MIT Press.

Latour B. (2004) Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiya odnoi dveri [Where are the missing masses. The sociology of a door]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency store], (2) (<http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/lat1.html>)

Latour B. (2006a) Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiya odnoi dveri [Where are the missing masses. The sociology of a door]. V.S. Vakhshstain (red.) *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of things], M.: Izdatel'skii dom «Territoria budushchego»: 199-223.

Latour B. (2006c) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We have never been modern: essay in symmetrical anthropology], SPb.: Izd-vo EUSPb.

Latour B. (2006d) Ob interob»ektivnosti. V.S. Vakhshstain (red.) *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of things], M.: Izdatel'skii dom «Territoria budushchego»: 169-199.

- Latour B. (2012a) Kopernikovskii perevorot v politicheskoi teorii. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], (6-7): 235-255.
- Latour B. (2012b) Politika ob» iasneniia: al'ternativa [The politics of explanation]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], (8): 133-144.
- Latour B. (2014a) *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action: how to follow scientists and engineers through society], SPb.: Izdatel'stvo EUSPb.
- Law J. (2015) *Posle metoda: besporiadok i sotsial'naia nauka* [After method: mess in social science research], M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2015.
- Lynch M. (1996) DeKanting Agency: Comments on Bruno Latour's «On Interobjectivity». *Mind Culture, and Activity*, (4): 246-251.
- Mol A. (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.
- Sivkov D.Iu. (2014) Mobilis in mobili: oplata proezda i spravedlivost' v marshrutnom taksi [Mobilis in mobili: travel payment and justice in collective taxi], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], (4): 79-91.
- Strathern M. (1991) *Partial Connections*, Savage, Maryland: Rowman and Littlefield.
- Tchalakov I. (2004) The Object and the Other in Holographic Research: Approaching Passivity and Responsibility of Human Actors. *Science, Technology, & Human Values*, (1): 64-87.
- Vakhshayn V.S. (red.) (2006) *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of things], M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego»
- Verbeek P.-P. (2005) *What Things Do: Philosophical Reflections On Technology, Agency, and Design*, University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press.